

УДК 94(57)

Предпринимательство и власть в Сибири XVIII – первой половины XIX в.: от конфронтации к партнерству

В. П. Шахеров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы взаимоотношения формирующегося сибирского капитала с центральной и местной властью. Характеризуются особенности сибирского экономического развития и отношения российской власти со своими восточными окраинами. Основное внимание уделено характеристике позиций власти и сибирского купечества в отношении развития таких ведущих отраслей дореформенной сибирской экономики, как торговля со странами Юго-Восточной Азии и промышленное освоение Тихоокеанского региона. На большом фактическом материале показана эволюция подходов власти и капитала к узловым проблемам экономики края от конфронтации к выработке основных направлений сотрудничества. Проанализированы купеческие проекты и инициативы по более эффективному освоению сибирских территорий и ресурсов.

Ключевые слова: Сибирь, купечество, региональная власть, предпринимательские проекты, Русская Америка, торговля с Китаем.

Исследования российских и сибирских историков последних лет значительно расширили наши представления о предпринимательстве и предпринимателях, их роли и месте в структуре общероссийского рынка, в экономической и общественной жизни города, формировании культурно-нравственных ориентиров. В настоящее время перед исследователями помимо поисков и введения в научный оборот нового фактического материала стоит очень сложная задача теоретического осмысления феномена российского предпринимательства во всей его многогранности, определения новых подходов при анализе этого сложного социального явления.

Особый научный интерес представляет рассмотрение региональных особенностей формирования буржуазии. Так, предпринимательская деятельность в Сибири имела ряд особенностей, которые были обусловлены географическими, социально-политическими и экономическими факторами и, прежде всего, колониальным положением региона в системе российской государственности. Со времени приобретения статуса российской территории в практике хозяйственного освоения Сибири всегда доминировали интересы социально-

экономического развития Европейской России. Задачи торгово-промышленного освоения Сибири способствовали быстрому росту территориальных рубежей, отодвигаемых все дальше на восток, оформлению внутренних и внешних административных границ. При этом нельзя отождествлять формирующиеся границы на юге и востоке Сибири с возможными границами русской колонизации, которая захватывала все новые и новые промышленные районы на северо-востоке, выйдя в конце концов за пределы материковой России. Точно также торговые интересы и задачи земледельческого освоения ориентировали русское население на южные степные районы Сибири, расширяя границы за счет территорий сопредельных государств и народов. «Русская колонизация, – утверждал Д. Я. Резун, – всегда развивалась по каким-то своим внутренним законам, мало считаясь с собственно государственными границами» [16, с. 32].

Административные и географические границы не только закрепляли стихийно складывавшееся экономическое районирование Сибири, но и способствовали его дальнейшему формированию. Характер экономического развития Сибири во многом определялся и тем, что она многими нитями была связана с Европейской Россией. Уральские горы никогда не разъединяли Сибирь и Россию, поэтому край с первых шагов русской колонизации ощущал мощную демографическую подпитку из метрополии. В то же время региональные особенности Сибири не могли не сказаться на характере и темпах развития экономики края. Прежде всего они определялись огромными пространствами территории, которая к тому же постоянно расширялась в восточном и южном направлении. Обширность Сибири при ее сложном рельефе, гидрографии, значительных лесных массивах создавала большие трудности в формировании путей сообщения. Слабое развитие транспорта замедляло установление экономических связей между отдельными регионами, городами и селами. Лишь подгородные поселения могли установить прямой товарообмен с ближайшим городом. С более удаленными поселениями и в межрегиональном обмене значительная роль принадлежала посредникам и скупщикам, что повышало стоимость продукта. Огромные расстояния и бездорожье значительно увеличивали время товарооборота России с ее восточными окраинами и сопредельными странами. В среднем он составлял 1,5–2 года. Впрочем, обширность географического пространства и неразвитость дорог и транспорта были заметным фактором, сдерживающим экономическое развитие России в целом.

Сложной и противоречивой была экономическая государственная политика в Сибири. Государство и российский капитал видели в ней лишь аграрно-сырьевой придаток и хищнически эксплуатировали ее природные ресурсы. «Мы никогда не шли на Восток, – писал В. И. Вагин, – с определенной промышленной целью: или хотели сделать ее то колонией звероловецкою, то горнозаводскою, то морскою, или, наконец, придавали всей Сибири только значение транзитного пути вглубь Азии!» [4, с. 1]. В то же время, составляя с Россией одно государство, Сибирь была подвержена тем же основным закономерностям развития, что и вся страна. И главной из них являлось формирование и развитие рыночных отношений. Следует отметить только то, что сибирский рынок был фронтальным, колониальным и потому по своей структуре, ас-

ассортименту товаров, специфике потребительского спроса и составу предпринимателей заметно отличался от того, который сложился в метрополии. Государство постоянно вмешивалось в экономическое пространство Сибири многочисленными регламентациями и ограничениями внутренних и внешнеторговых операций. Государственная эксплуатация природных богатств Сибири была приоритетной. В разное время вводились государственные монополии на торговлю пушниной, внешнеэкономические операции, производство вина, соли, драгоценных металлов. Целые территории Сибири в результате выпадали из-под влияния региональных экономических механизмов. Настоящим государством в государстве были владения Кабинета Его Императорского Величества. К началу XIX в. под его управлением была сосредоточена вся горнометаллургическая база Сибири, а обширные территории Алтая и Восточного Забайкалья были фактически закрыты для сибирского рынка.

Наиболее активной и общественно зрелой силой сибирского общества со второй половины XVIII столетия, как и в метрополии, стало купечество. Современники часто воспринимали представителей этого сословия по внешним проявлениям, мало пытаясь понять их мотивы действий, морально-нравственные ценности, объясняя любое действие желанием наживы и обогащения. Как справедливо заметил К. С. Аксаков, «купца теребят, а в душу его еще не заглянули». Проблема взаимоотношений государства и купечества, купечества и городского общества сложна и почти не изучена. В Сибири она к тому же имела свою специфику. В силу отсутствия здесь дворянства, малочисленности и слабости административного аппарата, на плечи «лучшей» части горожан ложились самые различные казенные и общественные службы. Социальному и личностному становлению сибирского купечества во многом способствовало то, что его представители были заняты на таких службах, которые требовали образования и смекалки, предприимчивости и имущественной ответственности. Известный российский философ И. А. Ильин справедливо отмечал, что любая хозяйственная деятельность, включая и предпринимательскую, – это прежде всего акт духовный, творческий. «...Расцвет и изобилие, – писал он, – создаются при непременном участии духовных побуждений и запросов, призванием и вдохновением, чувством ответственности и художественным чутьем, характером и творческим воображением» [14, с. 280].

Сфера приложения капиталов деловых кругов в Сибири была разнообразной. Стремление к прибыли и дух предпринимательства заставляли их отправляться к неведомым островам и странам, преодолевать огромные расстояния, терпеть холод и голод. «Наше предприимчивое, деятельное, неусыпное купечество, – писал современник, – не боялось ни убийственного якутского холода, ни морской бездны, ни вражды и неприязни диких народов, открывало пути и способы к торговле, развивало ее при самых трудных обстоятельствах, образовывало капиталы, упрочивало доверие к себе честностью расчетов и, обязанное за все это благодетельному покровительству и пособию правительства, поддерживает собственное благосостояние такую же заботливостью к делам торговым для пользы своих преемников» [12, с. 438–439]. Следует иметь в виду, что креативность торгово-промышленного населения Сибири базировалась на

глубоких исторических традициях, поскольку формировалось население во многом за счет переселенцев из северных уездов России, имеющих многовековой опыт торгово-промышленной деятельности. Не менее двух третей иркутских купцов, в том числе наиболее деятельные и состоятельные из них Сибиряковы, Трапезниковы, Баснины, Дударовские, Мыльниковы, Медведниковы и др., вели свои родословные от предпринимателей Поморья. Большинство из основателей этих династий приехали в Сибирь без какого-либо значительного состояния и активно использовали возможности природных ресурсов края, прежде всего пушных, а также пограничную торговлю с монгольскими княжествами и Китаем.

Наибольшей активностью и количеством отличалось восточносибирское купечество. Доля предпринимателей Иркутской губернии была неизменно выше среднесибирской, иногда значительно. Так, в 1816 г. на 100 мещан здесь приходилось 7,3 купца, что в два с лишним раза превышало среднесибирский уровень. Абсолютное большинство купечества региона было сосредоточено в губернском центре. В начале XIX в. в городах губернии насчитывалось около 600 купеческих капиталов (с членами семей до 3 тыс. душ), из которых на долю Иркутска приходилось до 70 % [22, с. 28].

Условия формирования и деятельности купечества Сибири заметно отличались от ситуации в Европейской России. Сибирь не знала крепостного права и помещичьего землевладения. Не играло здесь такой значительной роли, как в центре страны, дворянское предпринимательство, что открывало более широкие перспективы перед местным гильдейским купечеством и определяло его ведущую роль в хозяйственной и общественной жизни сибирских городов. Малочисленное дворянство, в большинстве своем связанное с Сибирью лишь периодом служебной деятельности, не играло заметной роли в сибирском городском обществе. Оно поневоле должно было искать сближения с верхушкой купечества, образуя вместе с ней своеобразный «высший свет». Как вспоминал Н. А. Белоголовый, «в сибирских городах общество состояло из чиновников, военных и гражданских, и из купцов, и эти два сословия, в силу численной малочисленности общественных сил, неизбежно перемешивались между собою чаще, сближались теснее, и это вело только к еще большему развитию купцов и их общественной равноправности» [2, с. 286].

Свое экономическое положение купечество подкрепляло ведущей ролью в общественном самоуправлении. Наиболее активные и успешные представители купеческой элиты, выделяясь из основной массы, становились признанными лидерами посадского мира, приобретая авторитет и в глазах власти. Выступая прежде всего за свои интересы, купечество, тем не менее, являлось единственной оппозиционной силой, с которой не могла не считаться местная администрация. В отстаивании общесословных и городских прав наиболее деятельные, волевые представители купеческой элиты приобретали общественный вес и авторитет. «В городе, – замечал один из мемуаристов, – где не было дворянства, кроме бедных и безгласных чиновников, купеческое общество одно составляло некоторый оплот самоуправству и беззаконию, столь обыкновенному в прежнее время в отдаленных провинциях» [12, с. 269]. Справедливости ради

следует сказать, что занятие купцами высших должностей нередко содействовало их предпринимательской деятельности.

Конечно, крупное сибирское купечество действовало прежде всего в своих интересах, стремясь монополизировать основные сферы торговой и промышленной деятельности. Но их противодействие произволу и вымогательству неразборчивой в средствах чиновной коррупции создавало иллюзию социального партнерства, придавало их деятельности общественную значимость. Борьба иркутского купечества с губернской администрацией в конце XVIII – начале XIX в. объективно содействовала активизации общественной жизни в Иркутске и других городах Байкальской Сибири, формированию идеалов и мнения городского общества. Это было уже не «темное царство», где «нет ни света, ни тепла, ни простора», а вполне сложившаяся купеческая олигархия, сознающая и отстаивающая свои корпоративные интересы. Следует особенно подчеркнуть, что эти изменения в общественной жизни и быте сибирских купцов происходили почти на полвека раньше, чем в России. Еще в середине XIX в., по свидетельству купца Н. П. Вишнякова, значительная часть московского купечества жила семейной, патриархальной жизнью. «В нашей среде, – писал он, – интересы общественные были слабо развиты, а политических и вовсе не существовало... Все это нас трогало мало. О правительстве, всем том, что могло иметь к нему отношение, старшие говорили с оглядкой, шепотом» [6, с. 19]. Активность и предприимчивость сибирского купечества, их ведущую роль в развитии экономического и общественного пространства края отмечали многие современники. Так, известный экономист Г. Пейзен в середине XIX в. отмечал, что «купечество здешнее по своим умственным понятиям, сметливости, стоит несравненно выше купечества Европейской России» [15, с. 20].

Как уже отмечалось выше, проблемы взаимодействия между сибирским предпринимательством и властью пока еще не получили сколько-нибудь полного освещения в литературе. Формирование общественного сознания, понимание своей роли в обществе и государстве, осознание того, что «среди всех сословий – звание купца, гражданина, столь же почетно, благородно и необходимо, как и другие звания», далось сибирскому купечеству непросто и растянулось на все XVIII столетие. Городское население Байкальской Сибири на себе испытало все прелести чиновничьего произвола и беззакония. Не только воеводы и губернаторы, но и заезжие чиновники из столицы порой терроризировали все население города, творя произвол и беззакония. Чего стоит один «крыловский погром», который со страхом вспоминало не одно поколение иркутян. Депутат от Иркутска А. М. Сибиряков, рассказывая о преступлениях следователя Крылова в Уложенной комиссии, отметил, что Иркутску был нанесен ущерб на 300 тыс. руб. [7, с. 28]. Ни одно стихийное бедствие не принесло бы столь ощутимых последствий. Отсутствие гражданских прав и гарантий приводило к тому, что ни капитал, ни положение в обществе не служили надежной защитой от произвола и самодурства. Поэтому весь рассматриваемый период прошел под знаком борьбы сибирского купечества за свою честь и достоинство, что объективно способствовало консолидации городского общества.

Более тесным было сотрудничество власти и капитала в экономической сфере. Местные власти не могли не поддерживать те сферы хозяйственной деятельности, которые приносили в казну дополнительные налоги и пошлины. Не последнюю роль играла коррупционная составляющая, связанная с государственными откупам и подрядами. Проводивший в Сибири ревизию сенатор И. О. Селифонтов нашел в Иркутске подрядчиков из числа крупного купечества, «которые здесь с давних пор непременные, привыкшие считать себя необходимыми в казенных поставках и потому неумеренные в своих выгодах, приобывшие притом к слабости начальства, делавшего им потачки, а иногда и одни с ними виды имевшие» [10, л. 87].

Сибиряки значительно лучше центральной и даже местной власти знали, что необходимо для развития края, вынашивали разнообразные проекты его изучения, обустройства и экономического процветания. Сибирских предпринимателей отличала активная жизненная позиция, умение определить перспективы своего бизнеса, смело открывать новые пути и направления приложения своих капиталов. Неслучайно именно в их среде зародилось немало крупных инфраструктурных проектов по развитию морских промыслов на северо-востоке Сибири, в Арктике, на Тихом океане, соединению водных систем Сибири, расширению торговых связей с Китаем, Японией и другими странами. Именно сибирское купечество стало инициатором создания Российско-Американской компании, выдвигало проекты образования компаний для торговли на внутреннем рынке Китая, на Амуре и т. п. С их именами связано развитие золотопромышленности, частных банков и другие инновации. Но из-за невнимания власти и отсутствия геополитических интересов России на востоке страны многие проекты так и остались нереализованными. Многие представители сибирского купечества осуждали недальновидную политику государства на сибирских территориях, ее незнание потенциала края и недоверие к инициативам сибиряков. Так, А. М. Сибиряков на примере Аляски показывал, что «части Сибири, попавшие к соседям, осваиваются ими лучше, чем нами», и призывал правительство не считать стремление сибиряков к самобытному развитию проявлением сепаратизма. «В Сибири же, – писал он, – все попытки возрождения, предпринимаемые со стороны местных жителей, рассматриваются обыкновенно начальством за проявления какого-то сепаратизма, да и давно ли еще было время, когда мы на всю Сибирь смотрели как на какую-то громадную тюрьму, куда можно только сослать преступников, распределяя их по местам отдаленным и не столь отдаленным!» [21, с. 21–22].

Из всего многообразия купеческих инициатив XVIII–XIX вв. остановимся лишь на тех, которые были связаны с развитием тихоокеанских пушных промыслов и торговлей с Китаем. С середины XVIII в. Иркутск становится основной базой организации промыслового освоения островов Тихого океана и Русской Америки. Здесь формируются купеческие компании, заключаются торговые сделки, набираются команды промышленников и мореходов. По данным иркутской городской думы, во второй половине XVIII в. среди работников тихоокеанских промыслов было более 180 иркутян [9, л. 1–8 об.]. Иркутское купечество охотно вкладывало капитал в создание промысловых компаний на

Тихом океане и реализацию привезенных из Америки мехов на российском и китайском рынках. Всего со времени начала промыслов и до установления монополии Российско-Американской компании было осуществлено 110 морских вояжей и добыто пушнины на Алеутских островах и северо-западном побережье Америки на 7,8 млн руб., а на Курилах – на 162 тыс. руб. в исчислении по охотским ценам, следовательно, по кяхтинским ценам ее стоимость превысила 15 млн руб. [1, с. 21].

Уже в середине XVIII в. в среде иркутских купцов и иногородних гостей возникают проекты расширения тихоокеанских промыслов и торговой экспансии на китайские территории, объединения капиталов и образования компаний по примеру английских, голландских, даже китайских. Одним из первых предложил проект создания единой купеческой компании по торговле «с пограничными около Сибири государствами» в 1739 г. иркутский вице-губернатор Лоренц Ланг, не раз бывавший в Китае и хорошо знакомый с состоянием русско-китайского торга [13, с. 287]. Позднее, в 1770-х гг., другой иркутский губернатор А. Бриль просил разрешить в Иркутске учредить компанию наподобие голландской Ост-Индской, чтобы каждый купец или промышленник мог отдавать в контору свой капитал, не подвергая его никакой опасности [18, л. 15 об.].

Одним из первых с программой более эффективного освоения тихоокеанских промысловых ресурсов выступил Г. И. Шелехов. Стремясь к укреплению и расширению российских владений, он мечтал объединить их вокруг единого центра -Славороссии. Особенно поражали своим размахом его планы открытия новых рынков для отечественной торговли. Он ходатайствовал за расширение торговли с Японией, Китаем, Батавией, Филиппинскими островами для сбыта добываемых в колониях мехов, «а из тех мест привозить в Америку как для поселяющихся тамо русских, также и коренных тамошних обитателей им нужное». В этой связи его внимание вновь привлекают Курильские острова и устье Амура как будущая база для развития торговых отношений с Японией. Иркутские власти поддержали проекты «Колумба Росского». Генерал-губернатор И. А. Пиль доносил в Петербург, что только сильная торгово-промышленная компания, каковой является Северо-Восточная, способна объединить усилия русских мореходов и утвердить права России на американском материке и на островах Тихого океана [20, с. 299].

В отличие от сибирских властей, российское правительство отреагировало более сдержанно. Несмотря на то что в поддержку планов Шелехова высказалась Комиссия о коммерции, императрица очень осторожно и сдержанно отнеслась к монополистическим устремлениям промышленников. Отклоняя просьбу Шелихова и Голикова, она отмечала, что «сие прошение есть сущая монополия, противная моим правилам». Она явно хотела выглядеть принципиальной противницей всякой монополии и сторонницей равных возможностей для всех предпринимателей. Причины отказа были, конечно, глубже. На них повлияли разногласия в правительстве по вопросам внешней политики, стремление избежать конфликтов с европейскими государствами, особенно в преддверии новых войн с Турцией и Швецией. Сказалось и традиционное недоверие к планам купцов, так как «нихтотамо на месте не освидетельствовал их за-

верение». Наконец, Екатерину II тревожили события в Северной Америки, где английские колонии в борьбе с метрополией обрели самостоятельность. Да и с точки зрения геополитики Сибирь и ее тихоокеанские рубежи не были столь привлекательны, как европейское направление. По той же причине коронная власть вела очень осторожную политику в отношениях с Китаем и в разрешении амурской проблемы. Решительный поворот в отношении осмысления своего положения на Дальнем Востоке произошел только во второй половине XIX в. после разграничения границы с Китаем и укрепления российского присутствия на Тихом океане.

Проекты Шелехова были подхвачены и продолжены иркутскими купцами. Наибольшую активность в их реализации проявило семейство купцов Мыльниковых, принадлежавшее к наиболее состоятельным купеческим родам Иркутска. В 1796 г. Мыльниковы с группой иркутских купцов разработали проект дальнейшего развития торговых отношений с Японией. Их проект предполагал создание единой торгово-промышленной компании для морской торговли на Южных Курилах и Японии, так как «разные компании, торгуя одинаковыми товарами, делают одна другой подрыв». Эти планы так и остались на бумаге, но в итоге их обсуждения появилась возможность создания объединенной компании иркутских купцов-промышленников, во главе которой встал Н. П. Мыльников с сыновьями. Так в начале 1796 г. возникла Иркутская коммерческая компания. Для управления делами в Иркутске учреждалась Главная контора с филиалами в Охотске, на Камчатке и иных местах, где компания собиралась осуществлять свою деятельность. Первыми директорами были избраны Д. Н. Мыльников и С. А. Старцев. Иркутская коммерческая компания стала первой организацией со столь значительным числом участников. Это было уже не семейное предприятие, а компания, в которой проводились выборы ее правления.

Компания стала главным конкурентом наследников Шелехова, дела которых были расстроены. В этой ситуации единственно верным решением для них было объединение с иркутянами. Так произошло рождение Американской Соединенной компании, а вместе с тем было положено начало реализации планов Г. И. Шелехова. В 1799 г. она получила монаршее благословение и стала называться Российско-Американской компанией. Эта первая акционерная компания в Сибири стала продуктом частно-государственного партнерства.

Иркутские купцы проявили большую заинтересованность в развитии торговых связей с Японией. В начале 1790-х гг. в группе иркутских купцов и чиновников возник проект установления торговли с Японией. В числе его вдохновителей были Г. И. Шелехов и ученый-натуралист Э. Г. Лаксман, каждый из которых представил свои предложения. В сентябре 1791 г. появился именной указ «Об установлении торговых отношений с Японией». Посольство возглавил сын ученого Адам Лаксман. Несмотря на то что Япония уклонилась от подписания дипломатических и торговых договоров, российским купцам было позволено приходить в порт Нагасаки и производить торговлю.

Полученные результаты вызвали в правительстве противоречивые оценки. Екатерина II ожидала большего и в ряде писем не скрывала своего разочарования его итогами. Тем не менее по ее распоряжению началась подготовка новой

экспедиции в Японию. Плавание А. Лаксмана и развитие российско-японских отношений вызвали интерес в купеческих кругах России. В находящемся на другом конце страны Архангельске появилась даже специальная записка с детальным разбором первого посольства в Японию. Ее анонимный автор призывал подходить к развитию российско-японских отношений не с позиции сиюминутной выгоды, а исходя из государственных интересов на Дальнем Востоке [17, л. 6].

Кроме тихоокеанского направления внимание сибирского купечества привлекала русско-китайская торговля, сосредоточенная в это время в единственном пункте на границе – Кяхтинской торговой слободе. Интересный проект создания компании на паях для организации и отправки в Пекин купеческих караванов подала в губернское правление в 1793 г. группа сибирских и российских купцов. Начальный капитал устанавливался в 200–400 тыс. руб. [11, л. 9–25]. Составление каравана, закупка лошадей и повозок, наем работников должны были осуществляться в Иркутске. Считая, что кяхтинская торговля все более и более становится зависимой от китайской стороны, которая в основном привозит в Кяхту товары «совсем избыточны и коих с рук в другие места не могут сбыть», компаньоны предлагали закупать в Пекине и вывозить в Россию такие необходимые стране предметы, как драгоценные металлы, сырье для промышленных предприятий (шелк-сырец, ремень, сахар и т. п.). Предполагалась даже промышленная переработка некоторых видов сырья. Так, планировалось в Иркутске или близ него строительство сахарного завода, для чего авторы проекта испрашивали государственные привилегии.

В 1798 г. на рассмотрение Государственного совета поступили прошение и ряд записок иркутского купца Ф. Щегорина, неоднократно бывавшего в Китае и хорошо знакомого с организацией китайской торговли. В поданной в правительство записке «О мерах к поднятию экономического положения России вообще, и, в частности, к облегчению способов торговли русских купцов с Китаем» он подробно проанализировал состояние российской и китайской коммерции, отдавая предпочтение последней и предлагая преобразовать торговлю в России по образцу и правилам китайской. К лучшим сторонам китайской торговли он относил организацию их компаний, стремление изучить российский рынок, поддерживать высокие цены на свои товары, не променивать их на дорогие и ненужные вещи, а также на такие, которые производят в самом Китае. Несмотря на негативную в целом оценку бумаг Щегорина, некоторые мысли иркутянина нашли отражение в Правилах кяхтинской торговли 1800 г. В своей записке иркутский купец предстает как идеолог нарождающейся буржуазии, выступает за развитие отечественной промышленности, мануфактур, ремесел, «за обилие в хлебе, металле и во всех продуктах, нужных к содержанию человечества». Он считает нелепым мнение, что российский предприниматель ленив, лукав, сварлив, не способен к торговле, как, например, англичане или голландцы, и потому, дескать, не создает коммерческие и промышленные компании. Наоборот, автор ссылается на свои беседы с купцами, которые полностью поддерживали его предложения, указывает, что «иркутские купцы, пленясь оными, составили ныне компанию» [22, с. 76]. Вероятно, он имел в виду Ир-

кутскую коммерческую компанию Н. П. Мыльникова. Свои проекты улучшения кяхтинского торгова выдвигали и другие представители иркутского купечества. Так, в фонде купцов Басниных сохранилась записка «Замечания иркутского купца Степана Киселева о поправлении кяхтинской торговли».

В начале XIX в. правительство попыталось предпринять практические шаги по реализации требований кяхтинских торговцев. При отправке в 1803 г. посольства Ю. Головкина в Китай ему поручалось среди прочих поднять вопрос о разрешении торговли по всей пограничной линии, а также об открытии для российского купечества Кантона. Цинские власти, как известно, не приняли российского посольства, и на долгое время эти очень важные для китайского торгова проблемы исчезли из дипломатического диалога России с Пекином. Боясь осложнений на Востоке, правительство занимало в отношении Китая нерешительную, уступчивую позицию. «Не только погрозить, – писал об отношениях с Пекином М. М. Сперанский, – но даже показать вид недовольства мы здесь не смеем и должны терпеть все унижения не только хладнокровно, но даже с улыбкой» [5, с. 204].

Манифест 1807 г., ограничивший состав кяхтинских торговцев только купцами первой гильдии, вызвал целый ряд записок и проектов по расширению социального состава участников торгова. Предлагались различные способы привлечения к торговле с Китаем среднего и мелкого купечества, в том числе путем создания единой торговой компании. Наиболее отчетливо эти предложения прозвучали в записке иркутского городского головы Е. А. Кузнецова, поданной в 1827 г. в министерство финансов. «Купечество всех гильдий, – указывал он, – не токмо бы участвовать в сей торговле вкладом денежных сумм в компанию, но имело бы возможность производить и внутреннюю торговлю с большей пользой против настоящего времени» [19, л. 46 об.].

В середине XIX в. наступает новый этап в борьбе купечества за расширение китайского рынка. В этот период торговля с Китаем оказалась в состоянии застоя. В условиях острой конкурентной борьбы с англичанами и голландцами за преобладание на китайском рынке Россия с ее отсталой меновой формой торговли, к тому же ограниченной лишь одним пунктом, испытывала серьезные затруднения. Вновь появляются проекты и записки о преобразовании кяхтинской торговли, раздаются голоса о необходимости возродить караванную торговлю. Характерен в этом отношении проект кяхтинского купца И. Носкова, предлагавшего организовать специальную «Кяхтинскую» компанию для переноса торговых операций на территорию соседнего государства. Согласно его планам в сфере деятельности компании оказывалась значительная территория, включающая Монголию, Даурию, Маньчжурию и всю Северо-Восточную Азию [8, л. 144–155].

Многолетняя борьба сибирского купечества завершилась заключением в 1860 г. Пекинского договора, установившего свободную и беспешинную торговлю на всем протяжении китайской границы и позволившего русскому купечеству ездить с караванами в Пекин и другие города Поднебесной. С приобретением Амура прежний торговый путь через Кяхту потерял свое значение. С целью выявления новых, более эффективных торговых путей в Китай нерчин-

ским купцом М. Д. Бутиным была организована в 1870 г. Тяньцзинская экспедиция. Новый маршрут был короче кяхтинского на 110 км. Кроме того, участники экспедиции собрали ценные сведения о природе, климате, растительном и животном мире этого района Китая, а также подготовили рекомендации по обустройству караванной торговли с Монголией и Китаем. Уже через год по новому пути отправился торговый караван забайкальского торговца П. И. Першина. За организацию экспедиции М. Д. Бутин был награжден серебряной медалью ИРГО и орденом Св. Станислава 3-й ст.

О необходимости более активного инвестирования капитала в развитие восточных территорий и усиления там государственного присутствия высказывались многие представители крупного сибирского капитала. Только таким образом можно было преодолеть негативные последствия утраты Русской Америки и вытеснения русского капитала с тихоокеанских промыслов. «Кроме вывоза чая из Китая, – писал М. Д. Бутин, – мы стоим совершенно вне движения и торговли, развивающейся вблизи нашей отдаленной восточной границы. На нашу восточную окраину мы почти не обращаем никакого внимания, а между тем один Амурский край мог бы послужить нам прочным базисом для водворения нашего влияния на Восточном океане» [3, с. 53].

Грандиозный проект оживления и расширения сибирской торговли на севере и северо-востоке Сибири был разработан в 1870–1880-х гг. М. А. Сибиряковым. Как и многие другие сибирские купцы, он прекрасно понимал, что основой торгового развития такого удаленного от России и обширного края может стать только более эффективное использование естественных сибирских путей сообщения. Он предложил использовать возможности Северного морского пути для увеличения потенциала водной системы Сибири. Но главную задачу он видел в изучении возможности судоходства по сибирским рекам с целью поиска и прокладки путей сообщения с Европой. А в будущем он надеялся проложить непрерывный водный путь от восточного подножия Урала до Байкальского озера и далее до Амура.

Таким образом, во второй половине XVIII–XIX вв. в сибирской предпринимательской среде появилось много различных проектов расширения морских промыслов и торговых связей с государствами Юго-Восточной Азии, Китаем, Японией, Кореей, Индией, Филиппинами, а на Американском материке с испанцами и американцами. Наибольшую активность в объединении купеческих капиталов и создании крупных компаний проявляло иркутское купечество. Результатом их усилий стало создание Российско-Американской компании, ставшей крупнейшим участником российско-китайской торговли в Кяхте.

Взаимоотношения между сибирскими властями и купечеством носили противоречивый характер, но общей тенденцией были поиски компромиссных решений в экономических и общественных вопросах. Сибирские предприниматели стремились уйти от прямых конфликтов с властью, пытаясь привлечь ее на свою сторону в реализации предложений по более эффективному освоению региональной экономики.

Список литературы

1. *Алексеева Е. В.* Русская Америка. Американская Россия? / Е. В. Алексеева. – Екатеринбург : УРО РАН, 1998. – 255 с.
2. *Белоголовый Н. А.* Воспоминания сибиряка / Н. А. Белоголовый. – Иркутск : Вост. Сиб. кн. изд-во, 1988. – 560 с.
3. *Бутин М. Д.* Письма из Америки / М. Д. Бутин. – СПб. : [б. и.], 1872. – 75 с.
4. *Вагин В. И.* Кое-что о сибирской промышленности / В. И. Вагин // Сибирь. – 1875. – 28 сент.
5. *Вагин В. И.* Исторические сведения о деятельности гр. М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. Т. 2 / В. И. Вагин. – СПб. : [б. и.], 1872. – 752 с.
6. *Вишняков Н. П.* Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. Ч. III / Н. П. Вишняков. – М. : Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1911. – 176 с.
7. *Головачев П. М.* Сибирь в Екатерининской комиссии: этюды по истории Сибири XVIII века / П. М. Головачев. – М. : Тип. В. Ф. Рихтер, 1889. – 127 с.
8. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. Р-1661. Оп. 1. Д. 2.
9. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 70. Оп. 1. Д. 170.
10. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 655. Оп. 2. Д. 263.
11. ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 205.
12. Записки иркутских жителей / сост. М. Д. Сергеев. – Иркутск : Вост. Сиб. кн. изд-во, 1990. – 544 с.
13. *Зоркин В. И.* Иркутские градоначальники. Кн. 1: Воеводы и вице-губернаторы (1661–1764) / В. И. Зоркин. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2006. – 384 с.
14. *Ильин И. А.* Путь к очевидности / И. А. Ильин. – М. : Республика, 1993. – 432 с.
15. *Пейзен Г.* Заметки о производительных силах Восточной Сибири / Г. Пейзен // Экономист. – 1858. – Т. 1. Кн. 1. – 58 с.
16. *Резун Д. Я.* Фронт из окна вагона... / Д. Я. Резун // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. – Новосибирск, 2002. – Вып. 2. – С. 29–35.
17. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 183. Оп. 1. Д. 58.
18. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 24. Оп. 1. Д. 51.
19. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 605.
20. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. – М. : Географгиз, 1948. – 384 с.
21. *Сибиряков А. М.* О путях сообщения Сибири и морских сношениях ее с другими странами / А. М. Сибиряков. – СПб. : [б. и.], 1907. – 189 с.
22. *Шахеров В. П.* Купечество Иркутской губернии в XVIII – первой половине XIX в.: основные тенденции социально-экономического развития / В. П. Шахеров // Вестн. НГУ. Сер. История. Филология. – 2003. – Вып. 2. – С. 22–33.
23. *Шахеров В. П.* «Расстроен, разорен, уничтожен...» Судьба иркутского купца Федора Щегорина / В. П. Шахеров // Родина. – 2012. – № 8. – С. 75–77.

Business and Authorities in Siberia XVIII – first half XIX century: from Confrontation to Partnership

V. P. Shakherov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article examines the relationship of developing Siberian business with central and local authorities. The features of Siberian economic development and relations of the Russian government with its Eastern suburbs are characterized. Main attention is paid to the characterization of attitude of government and Siberian merchants to the pre-reform Siberian economy industries' trade with the countries of South-East Asia and commercial exploitation of the Pacific region. A great amount of factual material shows the evolution of the approaches of the government and business to the key problems of the territory economy from confrontation to development of main directions of cooperation. Merchant projects and initiatives for more effective development of the Siberian territories and resources have been analyzed.

Keywords: Siberia, merchants, local administration, entrepreneurial projects, Russian America, trade with China.

Шахеров Вадим Петрович

*доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории России, исторический
факультет
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)334372
e-mail: wodalis@yandex.ru*

Shaherov Vadim Petrovich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of Russian History Faculty
of History
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)334372
e-mail: wodalis@yandex.ru*